

РЕЦЕНЗИИ

Е. Г. Которова

**КНИГА М. Л. КОТИНА «ЯЗЫК И ВРЕМЯ: ОЧЕРК ТЕОРИИ ЯЗЫКОВЫХ ИЗМЕНЕНИЙ».
МОСКВА: ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ ЯСК, 2018. 222 с.**

Предлагаемая вниманию читателя книга не является монографией в её классическом варианте в том смысле, что её целью не является детальная разработка некоей конкретной научной проблемы. На наш взгляд, не совсем верно было бы также назвать её пособием, как это предлагает сам автор (с. 14), так как, в отличие от привычного нам учебного пособия, данная книга не даёт никаких рекомендаций в отношении «усвоения материала» и не предлагает готовых решений. Если это пособие, то оно содержит материал, предназначенный не столько для обучения, сколько для размышления над важнейшими проблемами возникновения, существования и развития языка как средства познания, мышления и коммуникации. В соответствии с этим, большинство пунктов оглавления книги сформулировано как вопросы: Что такое язык? Почему изменяется язык? и др. В каждой из глав автор характеризует различные точки зрения и теории, предоставляя читателю возможность самому оценить их убедительность и достоверность, при этом своё мнение он высказывает деликатно и ненавязчиво.

В то время, как большинство современных лингвистов ориентировано на изучение современного состояния языка и условий его функционирования в социуме, автор данной книги, как следует из её названия, основное внимание при описании языковых явлений уделяет диахроническому аспекту, рассматривает язык прежде всего в динамике. Демонстрация необходимости такого подхода особенно важна сейчас, поскольку, как это ясно показано в книге, исследование языка не может быть проведено в полном объёме без учёта закономерностей его развития: «историческое изучение языка, природы, сути и механизмов, происходящих в нём и с ним процессов, является необходимым условием правильного понимания того, как он сформировался и как живёт в своём настоящем виде, сегодня» (с. 41).

Предметом дискуссии являются фундаментальные проблемы языкознания, и прежде всего – что такое язык? Следует ли определить его как индивидуальную языковую компетенцию каждого его носителя или же как систему знаков, принадлежащую определённому социуму? Был ли прав Вильгельм фон Гумбольдт, понимавший язык как носитель народного духа, выражающего мироощущение народа? Уместно ли сравнение языка с естественными живыми организмами, проводимое Якобом Гриммом и Августом Шлейхером, и характеристика языкознания как естественной науки, подобной эволюционной биологии Дарвина? Какой вклад в понимание сущности языка внесла генеративная теория Ноама Хомского? Эти и другие, связанные с ними, вопросы подробно обсуждаются в первой главе книги «Что такое язык?». В заключение дискуссии автор предлагает определить язык «как исторический (изменяющийся во времени) феномен, представляющий собой самодвижущуюся систему, локализованную в сознании его носителей и передаваемую в постоянно меняющемся и в то же время достаточно стабильном для обеспечения взаимопонимания носителей виде от поколения к поколению» (с. 31).

Во второй главе – «Что такое время?» – понятие времени рассматривается, с одной стороны, в его философском аспекте (на основе работ Аристотеля, Платона, блаженного Августина, Лейбница, Канта, Хайдеггера и др.), а с другой стороны – в соотношении с понятием языка. Тот факт, что язык не может существовать вне времени, не подлежит сомнению. По словам Э. Косериу, язык «целиком погружён во время» (с. 33), а сосюроевское разделение синхронического и диахронического описания языка следует понимать скорее

как методологическое решение, не меняющее сущности языка, который историчен по самой своей природе.

Третья глава названа автором «Имеет ли право на существование вопрос о происхождении естественных языков?», таким образом, уже само её название говорит о том, что сама возможность положительного ответа на этот вопрос подвергается сомнению. Действительно, многочисленные научные, околонучные и псевдонаучные гипотезы о происхождении человеческого языка, такие как библейская версия о божественном происхождении языка, звуко-подражательная гипотеза (Демокрит, Г. Лейбниц, С. Блэкмор), междометная гипотеза (Я. Гримм, Ш. де Бросс, А. Потеня), трудовая гипотеза (Л. Нуаре, Ф. Энгельс), музыкальная гипотеза (Н. Масатака), теория социального договора (Диодор Сицилийский, А. Смит), акватическая теория (А. Харди, Э. Морган) и многие другие так и остались в статусе гипотез, поскольку не представляется возможным представить убедительные доказательства их достоверности. Интеграция наук, характерная для современных исследований, позволила выработать новые, в научном плане в большей степени обоснованные теории, учитывающие данные когнитивной лингвистики, психологии, эволюционной биологии, антропологии, нейрофизиологии. На с. 64 автор в табличной форме представляет существующие в настоящее время эволюционные модели возникновения языка. Он выделяет, с одной стороны, нативистскую модель, предполагающую врождённую языковую способность, и обучающую модель, предполагающую приобретённую языковую способность; а с другой стороны – непрерывную или эволюционную модель возникновения языка, предполагающую возникновение языка путём естественного отбора через накопление мелких мутаций, и дискретную или революционную модель, предполагающую возникновение языка путём одномоментной, скачкообразной перестройки мозга. При этом он отмечает, что данная таблица не исчерпывает всего множества подходов к проблеме возникновения языка. Так, наряду с указанными в таблице моделями, в книге достаточно подробно описана теория «невидимой руки» Р. Келлера (Keller, 1990). В последнее время много сторонников приобрела новая интерпретация теории жестов Майкла Томаселло, основанная на его многолетней работе с приматами (Tomasello, 2011). Обобщая обзор различных теорий и подробную дискуссию о них, автор справедливо утверждает, что обсуждаемый вопрос о происхождении языка может получить лишь крайне ограниченное решение, если вообще уместно говорить о возможности окончательного решения этой проблемы.

За обширной главой посвящённой проблеме происхождения языка, следует глава, в которой обсуждается вопрос о том, «Почему изменяется язык?». Этот вопрос так же, как и предыдущий, крайне неоднозначен. С одной стороны, язык, будучи историческим феноменом, должен изменяться *a priori*. С другой стороны, коммуникативная функция сама по себе не обуславливает и не обеспечивает развития инструмента общения, существуют, по всей видимости, определённые факторы, стимулирующие развитие и изменение языка. К ним автор книги относит процессы дифференциации и интеграции, механизмы адаптации и экзатации, а также влияние языковых контактов. Здесь уместно привести мнение С. Пинкера, согласно которому, разница между языками, как и разница между биологическими видами, является следствием трех процессов, действующих на протяжении долгого времени: «One process is variation — mutation, in the case of species; linguistic innovation, in the case of languages. The second is heredity, so that descendants resemble their progenitors in these variations — genetic inheritance, in the case of species; the ability to learn, in the case of languages. The third is isolation — by geography, breeding season, or reproductive anatomy, in the case of species; by migration or social barriers, in the case of languages. In both cases, isolated populations accumulate separate sets of variations and hence diverge over time. To understand why there is more than one language, then, we must understand the effects of innovation, learning, and migration» (Pinker, 1994: 241–242).

С вопросами о происхождении и изменении языка в целом непосредственно связан вопрос о том, «Как возникают и изменяются языковые знаки», которому посвящена пятая глава

книги. Центральным тезисом автора в данной главе является утверждение, что «в момент своего возникновения любое слово так или иначе мотивировано» (с. 117). Первичным при этом следует считать «аффективно-имитативный» тип мотивации, то есть звукоподражание. Дальнейший вектор развития основан на метафорических и метонимических переосмыслениях разного рода. Со временем как первичная, так и вторичные мотивации могут быть утрачены, и тогда теряется связь формы слова с его семантикой. Для подкрепления своей точки зрения автор приводит целый ряд примеров, среди них такой: «английский глагол *hope* и немецкий *hoffen* ‘надеяться’ первоначально означали ‘прыгать; скакать’, будучи производными от междометия со значением, подобным русскому *gon!* и той же мотивацией – имитацией звука, возникающего при соприкосновении ног с землёй во время прыжка. [...] В основу метафорического переосмысления значения ‘прыгать; скакать’ был положен образ нетерпеливо прыгающего на месте в ожидании доброй новости, письма и т.п. человека. Впоследствии связь между прямым и переносным значениями была утрачена, и глаголы немецкого и английского языка стали восприниматься как немотивированные. Это, однако, не означает, что мотивации при обозначении надежды у них не было с самого начала» (с. 119). Здесь хотелось бы отметить, что некоторые современные лингвисты считают целесообразным выделять структурную мотивацию, ориентированную на синхронические отношения между элементами системы и структуры языка; и генетическую мотивацию, исходящую из того, что языковые структуры, являясь продуктами человеческого поведения, принципиально мотивированы с точки зрения диахронии (Heine, 2004: 104–105; см. также Kotorova, 2013). В заключение автор демонстрирует наличие сквозных мотивов номинации в разных языках.

В шестой главе «Динамика грамматических форм в онтогенезе и филогенезе» речь идёт об исторических изменениях грамматических форм и структур, а также их функций. Как можно видеть из многочисленных языковых иллюстраций, такие процессы могут быть в большей степени глубинными и последовательными, чем изменения лексических единиц. Иногда эти процессы вступают в конфликт с существующими нормами языка. В книге обсуждаются некоторые случаи, когда формы, нарушающие устоявшиеся орфоэпические и орфографические правила современного языка, являются абсолютно безупречными с системной точки зрения. Таким образом, наблюдается коллизия системы и нормы. Далее на примере основных форм сильных и слабых глаголов в германских языках демонстрируется конгениальность онтогенеза и филогенеза в морфологии. С точки зрения филогенеза известно, что в германских языках сильные глаголы были первичными, исконными, тогда как слабые глаголы были производными от основ сильных глаголов или же других частей речи. Наблюдая за процессом освоения глагольных форм ребёнком, то есть с точки зрения онтогенеза, можно видеть, что в первую очередь ребёнок осваивает именно нерегулярные временные формы сильных глаголов, и лишь затем выучивает правило для образования форм слабых глаголов. Причину этого феномена автор видит в том, что в данном случае «мы имеем дело с генетически передаваемым механизмом формообразования, восходящим к древнейшим, исконным моделям» (с. 175). Такую точку зрения можно назвать спорной, так как многие лингвисты придерживаются мнения, что ребёнок копирует неправильные формы глагола из речи родителей и запоминает их (ср. Pinker, 1994: 274; Бурлак, 2012: 66).

В седьмой главе «Как контакты между языками влияют на их развитие?» рассматриваются, прежде всего, две полярные гипотезы относительно границ внешнего влияния на язык. Первая гипотеза предполагает, что таких границ практически не существует, и что языковая система допускает любое иноязычное влияние. Согласно второй гипотезе язык обладает определённой стабильностью, и языковые контакты могут служить лишь стимулами для приведения в движение глубинных тенденций развития, исконно присущих данному языку. Обе гипотезы имеют своих сторонников, но в обоих случаях важно понимать, что собственно научную

ценность имеют не сбор и описание примеров взаимовлияния взаимно контактирующих языков, а выявление условий и факторов такого влияния, а также объяснение того, как иноязычное воздействие соотносится с внутренними тенденциями развития языка.

В последней главе «Язык и текст в статике и динамике: границы функциональных объяснений языковых изменений» обсуждаются последствия так называемого «прагматического поворота» в языкознании по отношению к теории языковых изменений. В рамках функционального подхода к языку причины и механизмы его трансформаций локализуются исследователями в социуме, культуре, цивилизации, но не в самой системе языка. Язык при этом рассматривается, прежде всего, как инструмент коммуникации. По мнению автора книги, однако, было бы неверно считать коммуникативную функцию языка единственной причиной его возникновения и развития. Ядро лингвистического интереса и предмет собственно лингвистической теории составляют правила, согласно которым то или иное высказывание возникает в сознании говорящего и трансформируется затем в реальную последовательность звуков, слогов, морфем, слов и словосочетаний.

Завершая обзор глав книги М. Л. Котина, хочу отметить, что автору удалось фундаментальные, чрезвычайно сложные и неоднозначные проблемы языковедческой науки изложить доступным для читателя образом. Этому способствует и тот факт, что в ходе пояснений автор приводит простые и запоминающиеся примеры, сравнивая языковые явления и процессы с понятными каждому явлениями окружающей действительности и повседневной жизни. Так, объясняя, почему невозможно понять природу и сущность языка без обращения к истории его возникновения и развития, он сравнивает данную ситуацию с ситуацией у врача, который может более точно поставить диагноз больному, если обратится к истории заболеваний пациента и его ближайших родственников.

Вместе с тем следует отметить, что в отдельных случаях автор отходит от заявленного им самим принципа неопременной обоснованности научных тезисов и выводов. Так, сравнивая человеческий язык с языками животных, он утверждает (с ссылкой на книгу философа В. В. Библихина), что язык дельфинов не различается территориально и не меняется со временем (с. 95). Однако, если обратиться к специальной литературе, то можно найти немало исследований, свидетельствующих о том, что дельфины и косатки, живущие на разных территориях, имеют различную, характерную и устойчивую для акватории «фонетику», позволяющую говорить о наличии в их языке территориальных «диалектов» (Ford / Fisher, 1983 см. также Fitch, 2010: 378). Более того, исследования показывают, что язык дельфинов может взаимодействовать с языком косаток и, соответственно, изменяться (см. Musser / Bowles / Grebner / Crance, 2014). Эти выводы касаются также других животных и птиц.

Хотелось бы также обратить внимание автора на особенности применения термина «эволюция». Согласно Н. Хомскому, «говоря об эволюции, следует прежде всего прояснить, что подверглись эволюции не сами языки, а языковая способность. [...] Языки меняются, но не эволюционируют» (Хомский / Бервик, 2018, см. также Chomsky / Berwick, 2016: 92). Поэтому вряд ли уместно говорить о «грамматической эволюции» (с. 147) или об «эволюции языковых форм и их значений» (с. 204).

Несмотря на то, что, как пишет автор, число научных источников, использованных им, ограничено до необходимого минимума, библиография книги весьма обширна и включает как классические произведения, так и современные исследования в области лингвистики, философии, психологии. Вместе с тем отечественная литература последних лет представлена, к сожалению, довольно скупо. Можно думать, что включение в обсуждение идей, изложенных в таких книгах, как, например, (Кошелев / Черниговская, 2008 и Бурлак, 2012) могло бы обогатить дискуссию.

Подводя итог всему вышесказанному, можно заключить, что вниманию читателя предлагается книга, излагающая оригинальную трактовку «вечных» проблем языкознания и содер-

жащая интересные размышления, факты и языковые примеры. Её можно (и нужно) рекомендовать к прочтению всем, кто занимается языком профессионально или же интересуется вопросами происхождения и развития языка.

Список литературы:

- Бурлак С.:** Происхождение языка. Факты, исследования, гипотезы. – Москва: Астрель, 2012.
- Кошелев А. Д. и Черниговская Т. В.** (составители): Разумное поведение и язык. – Вып. 1. Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка. – Москва: Языки славянских культур, 2008.
- Хомский Ноам и Роберт Бервик:** Человек говорящий. Эволюция и язык. Перевод с английского С. В. Черникова. – СПб: Издательский дом «Питер», 2018.
- Berwick R. C. and Chomsky N.:** Why Only Us: Language and Evolution. – Massachusetts: MIT Press, 2016.
- Fitch Tecumseh:** The Evolution of Language. – Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
- Ford John K. B. and Fisher H. Dean:** Group-specific dialects of killer whales (*Orcinus orca*) in British Columbia. // Barbara C. Kirkevold and Joan S. Lockard (eds.): Behavioral Biology of Killer Whales, New York: A. R. Liss, 1986: P. 129–161.
- Heine B.** On genetic motivation in grammar. In: Günter Radden / Klaus-Uwe Panther (eds.), Studies in linguistic motivation. – Berlin: Mouton de Gruyter, 2004: P. 103–120.
- Keller. R.** Sprachwandel. Von der unsichtbaren Hand in der Sprache. – Tübingen: Francke, 1990.
- Kotorova E.** Motivation in Synchronie und Diachronie. In: Ryshard Lipczuk und Krzysztof Nerlicki (Hrsg.) Synchronische und diachronische Aspekte der Sprache. Sprachwandel – Sprachkontakte – Sprachgebrauch.– Hamburg: Verlag Dr. Kovač, 2013: P. 61–76.
- Pinker S.** The language instinct. The new science of language and mind. – London: Penguin books, 1994.
- Tomasello M.** Die Ursprünge der menschlichen Kommunikation. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 2011.
- Musser Whitney B., Bowles Ann E., Dawn M.** Grebner and Jessica L. Crance. Differences in acoustic features of vocalizations produced by killer whales cross-socialized with bottlenose dolphins. // The Journal of the Acoustical Society of America. – 2014. – Vol. 136(4). – P. 1990–2002.

Которова Е. Г., доктор филологических наук, профессор.

University of Zielona Góra.

Wojska Polskiego 71A. 65–762 Zielona Góra. Polska.

E-mail: e.kotorova@gmail.com

National Research Tomsk Polytechnic University.

Pr. Lenina, 30, Tomsk, Russia, 634050.

E-mail: e.kotorova@gmail.com

Kotorova E. G.

University of Zielona Góra.

Wojska Polskiego 71A 65-762 Zielona Góra. Polska.

E-mail: e.kotorova@gmail.com

Материал поступил в редакцию 09.08.2019 г.